

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

А. В. Лисаченко *

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВАМИ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье исследуется развитие системы управления правами на музыкальные произведения (и иной контент) в России. Изучаются история вопроса, современное правовое регулирование и перспективы совершенствования законодательства. Анализируется взаимосвязь между уровнем развития технологий и правовым регулированием, прослеживается эволюция от письменного способа фиксации звуков и договора с композитором как единственного основания для использования произведения до фактического приоритета фонограмм, распространяемых посредством сети Интернет, и прав на эти фонограммы. Исследуется роль организаций по коллективному управлению авторскими и смежными правами в становлении системы управления правами в России, в том числе организаций, имеющих государственную аккредитацию. Деятельность этих организаций сопоставляется с деятельностью новых отечественных интернет-сервисов по лицензированию, не предусмотренных прямо российским законодательством, но гораздо более эффективных. Делается вывод о происходящей в настоящее время эволюционной замене аккредитованных организаций как основного источника получения лицензий на использование музыкального (и иного) контента интернет-сервисами, работающими по модели лицензирования «каждый с каждым». Освещаются судебная практика и некоторые спорные моменты в российском законодательстве.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, исключительные права, музыкальные произведения, управление правами

Ни для кого не секрет, что законодательство объективно не может меняться так же стремительно, как меняется жизнь. Серьезные перемены, происходящие в обществе (от социальных и политических потрясений до появления либо широкого внедрения определенных технологий), всегда требуют от законодателя некоторого времени на адекватную реакцию. Право вечно находится в состоянии догоняющего, развиваясь рывками: каждый последующий рывок приближает регулирование к текущим нуждам общества, но в целом получается некое подобие апории Зенона об Ахиллесе и черепахе: догнать «раз и навсегда» все равно не удастся. Крайне интересным с этой точки зрения представляется наблюдение за измене-

---

* Лисаченко Алексей Владимирович – доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук (Екатеринбург), e-mail: lisachenko@mail.ru.

нием норм отечественного законодательства об управлении правами авторов, исполнителей, изготовителей фонограмм музыкальных произведений.

Следует, впрочем, отдавать себе отчет в том, что музыкальные произведения – лишь наиболее наглядный и простой для исследователя пример. В действительности в современном мире грань между музыкальными, литературными (в том числе сценарными), аудиовизуальными произведениями, программами для ЭВМ и тому подобными объектами, для части которых у права нет даже определения¹, давно размыта. Выделение их в «чистом» виде сегодня представляет собой, скорее, юридическую условность, потребитель же обычно получает и воспринимает некий комплексный (или, используя выражение В. А. Дозорцева, «многослойный»)² продукт.

В связи с этим здесь и далее, говоря об управлении правами на музыкальные произведения, можно подразумевать права на «контент» (от англ. *content* – содержание) как на совокупность различных объектов авторских и смежных прав. Несмотря на то что данная статья основана на материале, касающемся в первую очередь музыкальных произведений, распространение формирующейся системы управления правами на иные объекты либо уже произошло (в отношении видеоконтента), либо ожидается в ближайшем будущем (например, в отношении литературных произведений), поэтому использование собирательного обозначения «контент» представляется оправданным. Общие закономерности, выявляемые при изучении эволюции способов и системы управления правами на использование музыкальных произведений, можно с минимальными поправками распространить на прочие виды контента (разумеется, с учетом соответствующей специфики, когда она присутствует).

Постепенное изменение правового регулирования в рассматриваемой области изучено и описано в юридической литературе достаточно детально. Вместе с тем исследователь-юрист редко уделяет внимание не относящимся к праву обстоятельствам, таким как уровень научно-технического развития. В некоторых случаях, однако, эти обстоятельства имеют принципиальное значение, напрямую влияя на правовое регулирование. Музыкальные произведения и способы их физической фиксации во взаимосвязи с правовыми нормами о порядке использования этих произведений – яркий тому пример.

Судя по всему, идея фиксировать музыку посредством знаков появилась примерно в одно время с изобретением письменности. Во всяком случае, глиняным табличкам с клинописной записью музыки, найденным в Сирии французскими археологами в 1950-е гг., около 3400 лет³. В течение тысячелетий знаковая (в том числе нотная) запись оставалась фактически единственным способом надежной фиксации последовательности звуков с целью воспроизведения. Редкие случаи применения механического способа фиксации вроде изготовления музыкальных шкатулок или шарманок не носили массового характера и не выходили за рамки ремесленного производства.

Связь приведенных фактов с правовым регулированием – непосредственная. Когда музыкальные произведения были признаны охраняемым объектом прав, их авторы не выделялись из числа прочих «сочинителей»: правовой режим и для рукописи романа, и для нотной записи музыки был в целом одинаковый. Когда

¹ Лисаченко А. В., Маистакова А. Р. Фанаты или пираты? // Рос. юрид. журнал. 2016. № 3.

² Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система // Задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 153.

³ Fink R. Images from Ancient Times and Tablet Show: evidence of harmony in ancient music. Saskatoon, 1988, 1997. URL: <http://www.greenwych.ca/evidence.htm>.

музыка фиксировалась как текст, она и охранялась как текст. Право на использование произведений, проигрываемых механизмами, в тот период не отделялось от права собственности на сами механизмы.

Соответственно, способы оформления предоставления другим лицам права на использование музыкальных произведений отличались от аналогичных способов, принятых в отношении литературных произведений, разве что специальной оговоркой о публичном исполнении. Оговорка эта была объективной: раз «выпустив на свободу» популярную мелодию, чрезвычайно трудно было контролировать и запрещать ее дальнейшее использование. Так, в Российской империи лишь в связи с принятием 20 марта 1911 г. Положения об авторском праве законом от 16 марта 1911 г. было отменено приложение к ст. 420 (примеч. 2) т. X ч. I Свода законов Российской империи, согласно которому публичное исполнение чужих музыкальных произведений считалось нарушением прав композитора только в том случае, если «пьесы не были еще изданы»; «в противном случае каждый может исполнять их в концерте, театре или ином месте». Исключение было сделано лишь в отношении опер и ораторий, для публичного исполнения которых согласие композитора требовалось в любом случае.

Вновь принятое Положение об авторском праве от 20 марта 1911 г.¹ (далее – Положение), усиливая защиту прав авторов музыки, установило важное формальное требование: «Право композитора на публичное исполнение музыкального произведения охраняется лишь в том случае, если им на каждом экземпляре музыкального произведения указано, что композитор оставил за собой это право» (ст. 48). Что касается литературного текста как составной части произведения (например, песни), то оно было поставлено в подчиненное положение по отношению к музыке. Так, композитору предоставлялось право свободно, без договора с правообладателем, воспользоваться для своего произведения текстом, «заимствованным в части или в целом из напечатанного уже литературного произведения», за исключением случаев, когда оно написано «именно с целью служить текстом для музыкального произведения» (ст. 45). Более того, согласно ст. 49 Положения для публичного исполнения музыкального произведения с текстом достаточно было согласия только композитора.

Таким образом, правовой механизм получения разрешения на использование охраняемого музыкального произведения упрощался, что, как представляется, было сделано законодателем намеренно. Как выразились бы сегодня, лицензировать использование музыкального произведения можно было по принципу «одного окна» – посредством договора с композитором, без необходимости заключать договор с автором текста. (Также в период господства письменного способа фиксации звука, до массового распространения технологий механической звукозаписи, не возникало потребности заключать договор с изготовителем фонограммы.) Система управления правами была простой и для своего времени вполне эффективной. Музыка фиксировалась в нотных записях, права третьих лиц на ее использование – в договорах с композиторами, представлявшими в большинстве случаев также интересы автора текста.

С повсеместным распространением механического способа фиксации звука (фонограф, граммофон, патефон и т. п.) система отношений усложнилась, причем законодательство оказалось к этому традиционно не готово. Так, действовавшие в СССР до 1964 г. (а частично даже до 1973 г.) Основы авторского права 1928 г. (утв. постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 16 мая 1928 г.) специальных

¹ URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/201.html>.

норм не содержали, говоря лишь о правомерном издании произведения «соответствующим техническим способом» (ст. 14), и «закрывать брешь» был вынужден правоприменитель. Постановление 45 Пленума Верховного Суда СССР от 20 октября 1933 г. «О праве автора музыкального произведения на авторское вознаграждение при воспроизведении и распространении его произведений путем записи на граммофонную пластинку» констатировало, что «запись изданного в печатном виде музыкального произведения на граммофонную пластинку с размножением и выпуском в продажу этих пластинок есть новый, самостоятельный способ воспроизведения произведения автора».

Результатом усложнения системы отношений стало усложнение системы договоров, при помощи которой осуществлялось управление правами. С развитием отечественного законодательства (Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., дополнения и поправки к нему) система авторских договоров продолжала расширяться и под конец (после изменений, внесенных в Гражданский кодекс РСФСР в 1974 и 1987 гг.), по меткому выражению Д. В. Мурзина, «приобрела уже несколько пугающие размеры»¹.

Тем временем на смену механическому способу фиксации звука пришел магнитный, а затем и оптический. Несмотря на техническую разницу, для юриста эти два способа могут быть объединены по одному важному критерию: они позволяют осуществлять массовое тиражирование копий звукозаписи, в том числе перезапись фонограмм вне специальных студий или производств, вплоть до домашнего копирования. Нотная запись продолжила занимать свою весьма скромную нишу, механические способы фиксации звука сохранились в качестве архаизмов, а основную роль начали играть бобина или кассета с магнитной пленкой, а затем компакт-диск. Фонограмма из вспомогательного объекта правовой охраны превратилась в ключевой. Правовым следствием этого стали появление и быстрое развитие норм о правах на фонограмму (в частности, в ст. 141–143 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, Законе РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», а затем и в Гражданском кодексе РФ).

Эта быстрота, впрочем, оказалась недостаточной. Как полководцы всегда готовятся к прошедшей войне, так и юристы (не только в России, разумеется) традиционно пытаются решать новые задачи старыми проверенными средствами, разве что немного модифицированными. Например, было предложено маркировать экземпляры фонограмм знаком правовой охраны смежных прав (ср. со ст. 48 Положения об авторском праве от 20 марта 1911 г.). Уже при своем появлении ст. 1305 «Знак правовой охраны смежных прав» ГК РФ была несколько архаична: по справедливому замечанию Н. В. Иванова, «на последовательности звуков, которую представляет собой экземпляр фонограммы, невозможно нанести знак охраны смежных прав, предназначенный для зрительного восприятия. Данный знак может быть помещен только на материальном носителе или его упаковке, которые являются внешними по отношению к экземпляру фонограммы объектами»². В условиях же перехода от магнитного и оптического способа фиксации звука к цифровому с распространением через глобальную информационную сеть подобный способ маркировки выглядит не менее устаревшим, чем граммофонная пластинка.

¹ Право интеллектуальной собственности: учеб. Т. 2: Авторское право / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М., 2017 (автор главы – Д. В. Мурзин).

² Иванов Н. В. Авторские и смежные права в музыке: учеб.-практ. пособие / под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. С. 125–126.

К цифровой эпохе¹ отечественное законодательство подошло, располагая тем же инструментарием, что и в последней четверти XX в., т. е. фактически модифицированными нормами образца 1911 г. Регулировать отношения между правообладателями и пользователями таких объектов интеллектуальных прав, как музыкальные произведения, предлагалось посредством договоров между пользователем и каждым из правообладателей. Неэффективность подобной системы в силу значительного усложнения отношений по сравнению с началом XX в. очевидна. При массовом использовании произведений лицензировать их у каждого правообладателя стало чрезвычайно сложно. Для обычного пользователя, например ресторатора или владельца магазина, желающего, чтобы в торговом зале играла приятная музыка, эта задача и вовсе оказалась непосильной, а главное – нерентабельной. С аналогичными затруднениями столкнулись правообладатели.

Справедливости ради следует заметить, что данная проблема отнюдь не является сугубо российской. Похожие выводы можно обнаружить, например, на сайте исследовательской службы Европарламента (EPRS): «Как обладатель авторских или смежных прав создатель работы может осуществлять свои права лично. В наши дни, однако, индивидуальное управление правами не только непрактично, но и почти невозможно»². Таким образом, обе стороны – и правообладатели, и пользователи – столкнулись с общей проблемой. Система лицензирования посредством договоров «каждого с каждым» усложнилась настолько, что просто перестала нормально работать.

Следствием этого в России стало массовое нарушение исключительных прав на музыкальные произведения со стороны пользователей (поскольку даже добросовестный пользователь не имел возможности получить право использовать необходимые ему произведения легально и рентабельно), а в правовой сфере – попытка задействовать для решения проблемы организации по коллективному управлению имущественными правами. Благо, в зарубежных правовых порядках опыт создания таких организаций и лицензирования использования музыкальных произведений с их помощью имелся, и достаточно успешный.

Отсюда появление в Законе РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» раздела IV «Коллективное управление имущественными правами», основное содержание которого в последующем было перенесено в часть четвертую Гражданского кодекса РФ (ст. 1242, 1243). Пункт 2 ст. 45 данного Закона гласил: «Полномочия на коллективное управление имущественными правами передаются непосредственно обладателями авторских и смежных прав добровольно на основе письменных договоров, а также по соответствующим договорам с иностранными организациями, управляющими аналогичными правами». Ключевое слово в приведенном тексте – «добровольно». Российский законодатель в начале 1990-х гг. ориентировался на зарубежный опыт и был максимально либерален: правообладателей не обязывали объединяться, а лишь приглашали. Более того, не ставилось задачи централизовать такое объединение.

Результат оказался, мягко говоря, неудовлетворительным. В ключевой момент не нашлось ни достаточно харизматичной и авторитетной в творческих кругах

¹ По открытым статистическим данным, уже в 2016 г. 50 % доходов от использования музыкальных произведений в мире приходилось на цифровую форму распространения; с тех пор эта доля только растет (URL: <http://www.ifpi.org/global-statistics.php>).

² «As the owner of copyright or related rights, the creator of a work can exercise his right in person. However, nowadays, individual management of rights is not only impractical, but also almost impossible» (Collective Management of Copyright and Related Rights in the EU // European Parliamentary Research Service Blog. 2013. 27 Nov. URL: <https://epthinktank.eu/2013/03/16/collective-management-of-copyright-and-related-rights-in-the-eu>).

личности, которая выполнила бы роль объединяющего центра, ни подходящих средств коммуникации наподобие общедоступного Интернета и социальных сетей. Те объединения правообладателей, которые были все-таки созданы, имели слишком ограниченный круг участников и потому не могли предложить пользователю широкий выбор лицензируемых объектов.

Более того, развитие Интернета и всевозможных сетевых сервисов делало охраняемые объекты, с одной стороны, все более востребованными, а с другой – все более доступными технически. Необходимо было кардинальное решение. В итоге, убедившись в тщетности попыток побудить творческое сообщество к самоорганизации, законодатель пошел по традиционному пути централизации и регулирования отношений «сверху»: в части четвертой Гражданского кодекса РФ появились нормы о государственной аккредитации организаций по управлению правами на коллективной основе (ст. 1245 ГК РФ).

Безусловно, решение наделить аккредитованные организации полномочиями по сбору денег с пользователей за использование музыкальных произведений вне зависимости от того, уполномочил ли правообладатель такую организацию представлять его интересы, более чем спорное. Следствием реализации этого решения стала череда парадоксальных и даже скандальных ситуаций наподобие судебных споров о выплатах в пользу аккредитованной организации за публичное исполнение музыкальных произведений зарубежных авторов и исполнителей ими самими¹ или имевшего большой общественный резонанс случая, когда аккредитованная организация потребовала отчислений за исполнение в самарском городском парке музыкальных произведений хором ветеранов в День Победы². Оставляют желать лучшего также соотношение собираемых сумм с попадающими по назначению (к правообладателям) и система отчетности, по поводу чего деликатно пишет С. П. Гришаев: «Известно, что подлинный репертуар исполняемых произведений не всегда совпадает с отчетами пользователей»³.

Тем не менее у действующей системы, при всех ее недостатках, есть главный плюс: отечественные пользователи теперь могут работать с музыкой (и некоторым иным контентом) законно и при этом достаточно просто. В лице аккредитованных организаций появилось то самое «одно окно», в котором можно, упрощенно говоря, приобрести лицензию на все, не задумываясь о том, кто какого правообладателя представляет. И это в любом случае лучше, чем договариваться отдельно с каждым правообладателем.

До недавнего времени, несмотря на признание недостатков существующей системы (например, ее слабой ориентированности на правообладателей и малой пригодности для лицензирования использования контента в сети Интернет), в качестве альтернативы и (или) пути дальнейшего развития предложить было практически нечего. Варианты наподобие «глобальной лицензии»⁴ выглядели еще менее удачными. Развитие технологий и общественных отношений, однако, все настойчивее требовало нового эффективного инструментария – как технического, так и правового.

Европейский союз, столкнувшись со схожими проблемами, пошел по пути совершенствования законодательства о коллективном управлении правами и выво-

¹ См., например: дело № ВАС-11278/2012, Ф05-4288/2012, 09АП-35266/2011, А40-61370/2011 (последовательно рассматривалось АС г. Москвы, Девятым арбитражным апелляционным судом, ФАС Московского округа, Высшим Арбитражным Судом РФ).

² Гришаев С. П. Право на публичное исполнение. 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ См., например: Михалков предложил публично обсудить законопроект о глобальной лицензии в интернете // ТАСС. 2015. 25 марта. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1855413>.

да его на наднациональный уровень. С 9 апреля 2014 г. в ЕС введена в действие Директива 2014/26/EU Европейского парламента и Совета от 26 февраля 2014 г. о коллективном управлении авторским правом и смежными правами и многотерриториальном лицензировании прав на музыкальные произведения для онлайн-использования на внутреннем рынке (*Directive 2014/26/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on collective management of copyright and related rights and multi-territorial licensing of rights in musical works for online use in the internal market*)¹, устанавливающая «правила игры» для организаций по коллективному управлению правами в отношении музыкальных произведений, используемых в Интернете или распространяемых через него (онлайн).

В России же было найдено собственное комплексное технико-юридическое решение, причем чрезвычайно удачное. Оно уже неплохо проработано технически, однако на пути его правового осмысления и оформления делаются только первые шаги. Тем не менее можно с разумной осторожностью говорить о новом эволюционном скачке. Речь идет об интернет-сервисах по предоставлению лицензионного контента (пока преимущественно музыкального, однако перечень объектов уже расширяется), предположительно первый из которых (под названием «Бубука»²) был разработан и запущен в Томске три года назад. Несколько подобных сервисов уже работает по всей России, и их «удельный вес» в управлении правами становится все более заметным.

Фактически новая система лицензирования контента представляет собой возрождение прежней децентрализованной схемы заключения договоров «каждый с каждым», только на новом технологическом уровне. Благо, повсеместно доступный Интернет в сочетании со специально разработанным программным обеспечением и правовым признанием сделок, совершаемых в электронной форме, дают такую возможность. Организационно-технически у пользователя (владельца бизнеса, организатора какого-либо мероприятия, артиста – исполнителя кавер-версий известных песен и т. п.) появляется возможность получать необходимые ему произведения вместе с правами на их использование в нужном объеме, что называется, не вставая с кресла, – через сайт сервиса, тут же производить оплату и не беспокоиться об отчетности, поскольку учет ведется автоматически (в том числе с применением технологии «блокчейн», исключающей подделку данных). Правообладатель, со своей стороны, получает полную статистику использования своих произведений и может осуществлять контроль за доходами. Поступающие от пользователей суммы, за вычетом небольшой комиссии, взимаемой сервисом, достаются правообладателям, а не тратятся по большей части на администрирование сбора.

Преимущества такой «новой старой» модели очевидны. У организаторов подобных сервисов остается лишь две проблемы: наполнение базы произведений (при отсутствии выбора пользователи предпочтут «неограниченный» круг объектов, предоставляемых аккредитованными организациями) и правовое оформление своей деятельности (поскольку, как уже говорилось, законодательство за общественно-технологическими изменениями не успевает).

С наполнением баз новые сервисы справляются успешно, привлекая к сотрудничеству все более широкий круг правообладателей. Что касается правовой составляющей, то законодательство (ст. 1242 ГК РФ) говорит об организациях по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе как о не-

¹ URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=14753>; <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A7-2013-0281&language=EN>.

² URL: <http://bubuka.info>.

коммерческих по природе своей объединениях правообладателей. Коммерческие организации, выполняющие те же функции за плату, прямо законом не предусмотрены. Несмотря на это, согласно абз. 2 п. 1 ст. 1242 ГК РФ создание организаций по управлению правами на коллективной основе «не препятствует осуществлению представительства обладателей авторских и смежных прав другими юридическими лицами и гражданами». Таким образом, что не запрещено, то разрешено.

За последние три года деятельность новых сервисных организаций прошла некоторую проверку практикой. По материалам соответствующих дел можно сделать выводы и наметить пути совершенствования законодательства.

В обобщенном виде все исследованные дела¹ представляют собой иски какой-либо из аккредитованных организаций по управлению авторскими и смежными правами к организациям-пользователям, при этом в качестве третьего лица или соответчика в этих делах выступает «альтернативный» интернет-сервис. Аккредитованные организации обращаются в суд, обнаружив тот факт, что пользователь, расторгнув ранее заключенный договор с ними, продолжает использовать музыкальные произведения. Пользователь предъявляет суду договор с коммерческой организацией – владельцем интернет-сервиса по распространению и лицензированию контента. Тот в свою очередь представляет лицензионные договоры с правообладателями (в том числе зарубежными), чего аккредитованные организации сделать не могут.

При этом показательно: истцы настолько забывают о правообладателях, что суды вынуждены специально акцентировать на этом внимание: «Суды указали, что истцом не представлена надлежащим образом удостоверенная информация, позволяющая идентифицировать правообладателей, в защиту прав которых предъявлены требования, что не позволяет произвести сверку правильности представленной истцом информации, а также соотнести фонограммы, указанные в иске, с их законными правообладателями»²; «Судами при разрешении спора учтено, что... истец... не поставил в известность правообладателей спорных фонограмм о начавшемся судебном разбирательстве, предъявленном в их интересах, хотя имелись письма от правообладателей об отсутствии у... истца... прав на представление их интересов в Российской Федерации»³. В одном из дел суд прямо указывает на недопустимость подмены интересов правообладателя интересами аккредитованной организации: «По смыслу пункта 1 статьи 1242 ГК РФ указанные организации действуют в интересах правообладателей. При этом такая организация, независимо от того, выступает она в суде от имени правообладателей или от своего имени, действует в защиту не своих прав, а прав лиц, передавших ей в силу пункта 1 статьи 1242 Кодекса право на управление соответствующими правами на коллективной основе»⁴.

Исходя из наличия у организаторов интернет-сервисов договоров с правообладателями, учитывая положения п. 4 ст. 1244 ГК РФ («Правообладатель, не заключивший с аккредитованной организацией договора о передаче полномочий по управлению правами... вправе в любой момент полностью или частично отказаться от управления этой организацией его правами») и руководствуясь приори-

¹ Дела № А43-22901/2016 (АС Нижегородской области), № А43-18383/2016 (АС Нижегородской области), № А72-18454/2015 (АС Ульяновской области), № А65-22447/2015 (АС Республики Татарстан), № А43-12885/2015 (АС Нижегородской области), № А43-885/2015 (АС Нижегородской области).

² Дело № А43-885/2015 (АС Нижегородской области).

³ Определение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2016 г. № 301-ЭС16-11475.

⁴ Дело № А43-22901/2016 (АС Нижегородской области).

тетом воли и интересов правообладателя, суды всех инстанций однозначно поддержали правовую позицию ответчиков. К чести аккредитованных организаций следует сказать, что в ряде случаев после выяснения ситуации они добросовестно отказывались от иска и дальнейших действий «исключительно из мести», по выражению М. В. Бандо¹, не предпринимали.

По результатам изучения материалов указанных дел можно отметить ряд проблемных и дискуссионных положений в законодательстве.

Так, неоднозначна формулировка абз. 2 п. 4 ст. 1244 ГК РФ: «По истечении трех месяцев со дня получения от правообладателя соответствующего уведомления аккредитованная организация обязана исключить указанные им права и (или) объекты из договоров со всеми пользователями и разместить информацию об этом в общедоступной информационной системе». Идет ли в данном случае речь о сроке, в течение которого исключительные права правообладателя остаются в управлении аккредитованной организации, либо о чисто техническом сроке для выполнения необходимых действий с ее стороны, не связывающем правообладателя? Исходя из общей логики той же статьи, общих начал и смысла гражданского законодательства, скорее, верно второе, но однозначного ответа закон не дает.

Кроме того, источником возможных коллизий является п. 3 ст. 1244 ГК РФ, согласно которому «организация по управлению правами на коллективной основе, получившая государственную аккредитацию (аккредитованная организация), вправе наряду с управлением правами тех правообладателей, с которыми она заключила договоры в порядке, предусмотренном пунктом 3 статьи 1242 настоящего Кодекса, осуществлять управление правами и сбор вознаграждения для тех правообладателей, с которыми у нее такие договоры не заключены». Суды абсолютно верно оценили ситуацию, ответив отрицательно на вопрос, может ли аккредитованная организация, руководствуясь данным положением, взимать деньги с пользователя, заключившего договор непосредственно с правообладателем через альтернативный сервис или с организатором сервиса как сублицензиат².

Но если в первом из обозначенных случаев, т. е. при работе интернет-сервиса по модели «каждый с каждым», наподобие своеобразной биржи, где лицензионные договоры заключаются напрямую между правообладателями и пользователями, а владелец сервиса выступает лишь в роли организатора, к возникающим отношениям применим п. 2 ст. 1243 ГК РФ («Если лицензионный договор с пользователем заключает непосредственно правообладатель, организация по управлению правами на коллективной основе может собирать вознаграждение за использование объектов авторских и смежных прав только при условии, что это прямо предусмотрено указанным договором»), то во втором случае нужной нормы в нашем гражданском законодательстве нет. Помимо общих начал и смысла гражданского законодательства, можно ориентироваться разве что на положение абз. 2 п. 3 ст. 1242 ГК РФ («Основанием полномочий организации по управлению правами на коллективной основе может быть также договор с другой организацией, в том числе иностранной, управляющей правами на коллективной основе»), но о прямом применении этой нормы, разумеется, говорить не приходится.

Рамки небольшой статьи не позволяют остановиться на проблемных моментах меньшего масштаба, однако они также присутствуют. Радует, впрочем, тот факт, что суды при разрешении споров, подобных приведенным выше, не руко-

¹ Бандо М. В. Распространение в официальных обращениях сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2012. № 10. С. 100, 101.

² Дело № А43-885/2015 (АС Нижегородской области).

водствуются исключительно буквой закона, а ориентируются на здравый смысл и интересы в первую очередь правообладателей и пользователей. Это позволяет в значительной степени нивелировать несовершенство существующих норм. Тем не менее следует с сожалением констатировать, что право вновь находится в положении догоняющего, и признать факт появления новой, современной и высокотехнологичной системы управления авторскими и смежными правами (которая, вероятно, в скором времени вытеснит аккредитованные организации в узкую нишу защиты прав отдельных категорий правообладателей), в связи с чем требуется обеспечить соответствие правовых норм реальным потребностям общества.

Список литературы

Collective Management of Copyright and Related Rights in the EU // European Parliamentary Research Service Blog. 2013. 27 Nov. URL: <https://epthinktank.eu/2013/03/16/collective-management-of-copyright-and-related-rights-in-the-eu>.

Fink R. Images from Ancient Times and Tablet Show: evidence of harmony in ancient music. Saskatoon, 1988, 1997. URL: <http://www.greenwych.ca/evidence.htm>.

Бандо М. В. Распространение в официальных обращениях сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2012. № 10.

Гришаев С. П. Право на публичное исполнение. 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система // Задачи кодификации: сб. ст. М., 2005.

Иванов Н. В. Авторские и смежные права в музыке: учеб.-практ. пособие / под ред. А. П. Сергеева. М., 2009.

Лисаченко А. В., Маштакова А. Р. Фанаты или пираты? // Рос. юрид. журнал. 2016. № 3.

Михалков предложил публично обсудить законопроект о глобальной лицензии в интернете // ТАСС. 2015. 25 марта. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1855413>.

Право интеллектуальной собственности: учеб. Т. 2: Авторское право / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М., 2017.